
М. А. АЛПАТОВ

В чем прав и в чем неправ Гюнтер Штёкль?

Проблемы древнерусской истории и историографии привлекали внимание западных исследователей как в дореволюционное время, так и сейчас. Много делается в этом отношении в Германской Демократической Республике. Особое место здесь занимает проблема отношений между Русью и Германией. Достаточно вспомнить исследования Б. Видеры, охватывающие широкий круг вопросов, касающихся отношений между Киевской Русью, Германией, варягами и Византией. Плодотворная работа этого марксиста — крупный вклад в разработку как истории этой части Европы, так и истории исторической мысли.

Из исследований историков Федеративной Республики Германии по древнерусской историографии обращает на себя внимание небольшой по объему, но очень важный историографический труд Гюнтера Штёкля «Изображение западных стран в древнерусских летописях».¹ Работа эта представляет доклад на заседании ученого общества «Северный Рейн — Вестфалия»; вместе с докладом напечатано и краткое изложение дискуссии по докладу. Поэтому речь идет о взглядах целой группы западногерманских историков; их высказывания помогают составить представление о состоянии интересующей нас проблемы в ФРГ. Гюнтер Штёкль — крупный знаток древнерусских источников и русской литературы по средневековому периоду. В ряде случаев он принимает выводы советских ученых (Б. Д. Грекова, Д. С. Лихачева, Л. В. Черепнина, Я. С. Лурье и др.). Выяснить, что знают летописцы о Западе и как они к нему относятся, — такова цель данного доклада Гюнтера Штёкля.

Докладчик далек от мысли изображать древнюю Русь отгороженной китайской стеной от Запада. Отношения с Западной Европой, главным образом с Империей и папством, существовали не только во времена Киевской Руси, они существовали и в период феодальной раздробленности. Галицко-Волынское княжество было связано с Венгрией и Австрией, Новгород — с Ганзой. Как показали берестяные грамоты, для широких слоев новгородцев отношения с немцами были уже повседневной реальностью. Владимиро-Суздальская Русь, правда, из-за своей отдаленности от Запада не имела прямой связи с ним, и это поначалу сказалось и на Москве. Здесь мы не видим ни Золотых ворот на польский манер, как это было в Киеве, ни Немецких ворот, как в Галиче, ни Подворья св. Петра — резиденции немецких купцов, как в Новгороде.

Но скоро Москва сыграла новую роль в отношениях Русского государства с Западной Европой. Со второй половины XV в. русские связи

¹ Günther Stöckl. Das Bild des Abendlandes in den altrussischen Chroniken. Köln, 1965.

с Западом стали возрастать, а это сказалось и на русском летописании. Историческая мысль выступает союзником во внешней политике крепнущей Московской Руси, что особенно видно с тех пор, как появляется Посольский приказ. Раздвигается кругозор летописцев. Они теперь интересуются не только соседними, но и весьма отдаленными государствами. В стране начинает накапливаться дипломатическая документация, ибо теперь дипломатическое ведомство должно иметь налаженное делопроизводство. В терминологии летописцев наблюдается большая точность, чем раньше. Летописец со знанием дела определяет страну, чин и должность прибывшего в Москву иностранца, тем более если это посол. Он уже не называет любую западную территорию «немецкой землей», главу Ливонского ордена именуется уже не «местер», а «магистр», неопределенный термин «фряжские земли» заменяет более точным «итальянские земли», и только термин «немцы» еще ждет своего уточнения. Русские летописцы начинают вести происхождение московской власти не только из византийского, но и из римского корня. Такова связь исторической мысли с тогдашней действительностью.

Но автора интересует прежде всего аспект историографический.

Гюнтер Штёкль коснулся чрезвычайно важного вопроса, о котором размышляли как дореволюционные русские историки,² так и историки советские.³ Речь идет о скудости западного материала в «Повести временных лет». Явление это выражается в двух формах. Во-первых, имеются факты из области отношений между Киевской Русью и Германией, о которых летопись умалчивает и о которых известно только из западных источников. Например, летописцы молчат об обращении княгини Ольги к Оттону I с просьбой о присылке духовенства. В летописи не говорится о Генрихе IV, который в 1075 г. посылал миссию в Киев, хотя о самой миссии и сказано; к тому же Генрих IV не мог быть неизвестен летописцам, поскольку за ним была замужем русская княжна Евпраксия, затем снова вернувшаяся в Киев. Ничего из летописи не узнаем о Конраде III, который поддерживал Юрия Долгорукова в борьбе против Изяслава. Нет ни слова о Фридрихе Барбароссе, посылавшем Андрею Боголюбскому мастеров для строительства великокняжеской резиденции во Владимире.

Во-вторых, даже те факты, о которых говорится в «Повести», даны слишком глухо. Летопись не называет ни одной столицы не только отдаленных, но даже соседних государств; из летописи нельзя получить конкретного представления о тех или иных зарубежных правителях. Не один раз говорится о «немцах из Рима», которые приходили на Русь, но кто они, остается неизвестным. Так, мы не знаем, кто были «немцы из Рима», предлагавшие Владимиру свою веру; точно так же неизвестно, в какой стране посланцы Владимира наблюдали западное богослужение, в котором они «красоты не видали никакой». Знакомство летописцев с Западом ограничивалось лишь теми сведениями, какие они могли почерпнуть от приезжавших с Запада посланцев, их осведомленность не выходила за пределы книжных представлений.

В чем причина такого явления? Гюнтер Штёкль вслед за другими исследователями, как нашими, так и зарубежными, называет религию. И это совершенно правильно. Разделение церквей и борьба католичества и православия, как известно, наложили заметную печать на летописание, нахо-

² М. Д. Приселков. Очерки церковно-политической жизни Киевской Руси. СПб., 1913.

³ М. Э. Шайтан. Германия и Киев в XI веке. — ЛЗАК, вып. 1 (34), 1927, стр. 3—26.

дившееся в руках монахов. Нет ничего невероятного в том, что русские летописцы-чернецы изрядно поуменьшили в летописях известия о «папском» Западе, а материал, уделевший в летописи, получил антизападный колорит.

Знакомство Гюнтера Штёкля с русскими средневековыми источниками сказалося и на предложенной им периодизации. Автор намечает следующие этапы, через которые прошло формирование взглядов русских летописцев на Западную Европу: Киевская Русь, время Александра Невского, время Флорентийского собора и, наконец, Московская Русь. С этим нельзя не согласиться, потому что в исторической действительности именно эти хронологические рубежи были главными вехами в знакомстве русских книжников со странами Западной Европы.

* * *

Исследование Гюнтера Штёкля — это результат большого труда серьезного ученого, крупного знатока предмета. Остается, однако, пожалуй, что этому исследованию присущ важный методологический изъян. Всякое как историческое, так и историографическое явление, как известно, представляет результат многих, хотя и неодинаковых по своей значимости причин. Историку приходится с этим считаться, выяснять место различных причин в формировании — в данном случае историографических — фактов. Однобокий подход, игнорирование многосторонности историографических фактов неизбежно ведет к их искаженному изображению.

Гюнтер Штёкль порой односторонен, иногда явно переоценивает конфессиональную сторону дела. И это далеко не случайно, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что в дискуссии по докладу конфессиональные вопросы заняли незаслуженно большое место. Это относится не только к выступлению доктора теологии Йозефа Пинера, но и многих других участников дискуссии.

Возьмем летописание времен Киевской Руси. Конечно, нельзя возразить против того, что причину малой осведомленности летописцев в делах на Западе Гюнтер Штёкль видит во влиянии православной церкви. Но разве конфессиональная причина была единственной? Разве не сказывалась здесь также неразвитость международного общения в средние века? Нужно ли доказывать, что рассказы летописцев об отношениях Руси с теми или иными странами являются отражением реально существовавших явлений. Почему в «Повести временных лет» сообщений об отношениях с Империей и папством гораздо больше, чем об отношениях с Англией и Францией? Да потому, что так было в живой действительности. Поездки на Русь Рeginона Прюмского и Бруно Кверфуртского, как и показания Титмара Мерзебургского, связаны с «натиском на Восток»; интерес к Руси со стороны папства был связан с тем же «натиском», ибо немецкое католическое духовенство было в тесном союзе с немецкими феодалами в их захвате земель, лежавших на пути на Восток. Не случайно, что и Рeginон, и Бруно, и Титмар — все они духовные лица. В то же время летописная информация о русско-германских отношениях (даже если собрать все немецкие сообщения) оказывается значительно меньше по объему информации об отношениях Руси и Польши. Причина этого очень простая: польско-русские отношения в действительности были более развитыми, чем отношения русско-германские. И это несмотря на то, что в Польше победило католичество. Никакие киевские летописцы не смогли стереть следы весьма драматических отношений между Киевской Русью и Пястовской Польшей. Значит, на летописных сообщениях о русско-немецких связях сказывалась

не только позиция киевских православных монахов, но и состояние самих этих связей.

Мы придем к тем же результатам, если взглянем на дело с обратной стороны. Гюнтер Штёкль убежден в превосходстве немецких сообщений о Руси над русскими известиями о Германии. Летописцы не дают индивидуальных характеристик немецким князьям, а вот на основании данных Бруно Кверфуртского и Титмара Мерзебургского современному исследователю Манфреду Хелльманну⁴ удалось составить характеристику Владимиру Святославичу больше других киевских князей повезло в немецких хрониках. Но можно спросить: много ли в тогдашней немецкой хронографии сообщений о Киевской Руси? Кроме известий Бруно Кверфуртского и Титмара Мерзебургского, а также более ранних сообщений Регинона Прюмского, не только в немецкой, но и во всей западной хронографии того времени почти нет упоминаний о Киевской Руси. Правда, все упомянутые авторы оставили нам весьма достоверные показания. Регинон и Бруно писали по личным наблюдениям, Титмар Мерзебургский — на основании расспросов своих земляков-саксонцев, побывавших в Киеве вместе с войсками Болеслава Храброго. Более поздние рассказы о Руси Петра Дамиани и интерполятора Хроники Адемара Шабанского были несомненным шагом назад, ибо полны фантастических измышлений, отражающих тенденции папства, переживавшего во времена Григория VII свой подъем и развивавшего тезис об изначальном крещении Руси католическими миссионерами.

Но помимо скудости данных о Руси в тогдашних немецких хрониках есть и другая сторона: все эти сведения сообщаются лишь попутно. О Руси речь идет не потому, что отношения между Киевской Русью и Германией были очень развиты, а потому, что немецкие миссионеры по пути на Восток натолкнулись на Русь. В самом деле. Деятельность Бруно Кверфуртского и Титмара Мерзебургского (конец X—начало XI в.) была характерной для периода «натиска». Бруно и Титмар были не только родственниками, но и товарищами по монастырской школе в Магдебурге, являвшемся центром епископств, созданных в захваченных славянских землях. Двое юношей-аристократов увлеклись модной тогда в немецких феодальных и церковных кругах идеей проповедовать христианство среди язычников-славян. Титмар затем был участником немецких походов против поляков, но известность приобрел как епископ Мерзебургский, занимавшийся распространением католичества на завоеванных территориях. Между германским императором и польским королем Болеславом Храбрым шли длительные войны, закончившиеся Будишинским миром 1018 г. Генрих II стремился сломить сопротивление Польши натиску германских феодалов и направить польских феодалов на Восток. Болеслав Храбрый совершает в 1013 г. поход против Владимира Святославича и в 1018 г. против Ярослава. В походе против Руси участвовал и саксонский отряд; рассказы саксонцев, как уже говорилось, и послужили источником для сведений Титмара о Киевской Руси. Русь его интересует не сама по себе, а как попутный эпизод в истории германского «натиска», как эпизод, в котором участвовали его земляки.

Бруно Кверфуртский, 27-летний епископ, которого выпроводил из Венгрии король Стефан, не желавший очутиться в подчинении германскому императору, отправился к печенегам, а путь к ним лежал через Киев;

⁴ V. Hellmann, Vladimir der Heilige in der zeitgenössischen abendländischen Überlieferung. — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Bd. 7, H. 4, 1959, SS. 397—412.

здесь он и встретился с князем Владимиром (1007 г.). И в этом случае немецкий епископ ехал вовсе не на Русь, не она была целью его путешествия, не с ней были связаны его интересы. Он не сообщает даже имени князя Владимира, ни слова не говорит и о таком событии, как крещение Руси; для него все решалось тем, что Русь была уже христианской страной. Что касается Титмара, то ему саксонцы рассказали, что Русь получила христианство из Византии, но изрядно напутали, приняв жену Владимира гречанку Анну за княгиню Ольгу.⁵

Иначе говоря, русский материал в немецких хрониках столь же небогат, как небогат немецкий материал в русской летописи, а главная причина этого — неразвитость самих связей между Киевской Русью и Германией. Следует заметить, что весь материал о русско-германских отношениях связан с теми моментами, когда государства разрывали тогдашнюю изолированность, выходили на международную арену. Такой момент наступил, когда княгиня Ольга обратилась к Оттону I с просьбой о присылке духовенства, но вслед за этим последовала языческая реакция на Руси и не всем членам оттоновской миссии удалось уйти живыми с киевской земли. На времена Владимира и Ярослава приходится ранний, чрезвычайно активный период в «натиске» германских феодалов на Восток; это продвижение по маршруту «натиска» своим правым флангом отдаленно коснулось и Киевской Руси — в виде мирного приезда Бруно Кверфуртского и в виде военного вторжения саксонского отряда с войсками Болеслава Храброго. Время Владимира и Ярослава, как известно, было периодом наивысшего взлета Киевской Руси, в том числе и в международном аспекте. Русь вышла на европейскую арену, причем масштабы ее международного значения в это время переросли рамки русско-германских отношений; Киевская Русь завязала связи не только с «окольными» государствами, но также с Францией, отчасти с Англией и со Скандинавией. С наступлением феодальной раздробленности эти достижения были утеряны.

* * *

Обратимся ко времени Александра Невского. Автор прав, когда говорит, что канонизация Александра Невского — дело политическое; причина, которая сделала знаменитого князя святым, это его победы над шведами на Неве (1240 г.) и над ливонскими рыцарями на льду Чудского озера (1242 г.). Но Гюнтер Штёкль глубоко неправ, когда пытается иронизировать над бесспорными фактами. Эти факты состоят в том, что нападения шведов и Ливонского ордена на Россию последовали непосредственно вслед за вторжением на русскую землю татарских завоевателей. Это, говорит Гюнтер Штёкль, и в дореволюционной русской историографии, и у советских историков изображается-де как заговор реакционных сил папства и Империи против России, как удар ножом в спину. Автор считает, что оснований для этого нет — в русских источниках и даже в Житии Александра Невского тогдашняя ситуация так не оценивается, события объясняются божьим попустительством, а в Никоновской летописи — ис-

⁵ Сведения о Руси носят случайный характер и у других авторов. Лиутпранд Кременский говорит о киевском князе Игоре в связи со своим путешествием в Константинополь. Адам Бременский дает некоторые сведения об общественном строе древней Руси в рассказе о прибалтийских славянах. Ламберт Герсфельдский сообщает о борьбе между сыновьями Ярослава, излагая историю Германии. Оттон Бамбергский упоминает о событиях на Руси потому, что в этом была необходимость в повествовании о христианизации прибалтийских славян. Гельмольд приводит данные о Руси в своей хронике о западных славянах, используя «Деяния гамбургских архиепископов» Адама Бременского. Все эти авторы пользовались сведениями из вторых рук.

точнике более позднем — говорится только о шведах, которые, улучив момент, когда было «Батыево пленение на Руси... надеяшаяся оставшую Русь поглотити». Иначе говоря, на крайний случай автор готов принять точку зрения советских историков лишь в применении к шведам, но только не относительно Ливонского ордена и папства.

А между тем правы именно советские историки. Речь идет не о каком-то заговоре, речь идет о традиционной политике Ордена и папства по отношению к России. Под Псков и Новгород ливонских рыцарей привела дорога протяженностью более двух веков. Все, что лежало на их пути, было завоевано мечом и крестом. Крестоносные отряды вышли теперь на рубежи русских земель. Та же Никоновская летопись сообщает, что битве на Чудском озере предшествовала борьба за Копорье и Псков. О прямом захвате русских земель говорит тот факт, что рыцари «приидоша на Псков... и наместников своих посадиша на Пскове».⁶

И разве случайно, что нашествие немецких крестоносных отрядов на Русь хронологически совпало и со шведским нашествием, и с татарским завоеванием? Совершенно очевидно, что для Швеции и Ордена сложилась благоприятная ситуация: пользуясь тяжелым положением Русского государства, попавшего под удар монголо-татар, шведы и Орден пытались захватить русские территории, уцелевшие после татар. И если средневековому западному хронисту и русскому летописцу это могло казаться результатом «божьего соизволения», то современному историку такое объяснение никак не может казаться убедительным. Уже авторы Никоновского свода не сомневались, что шведы, пользуясь нашествием татар, пытались овладеть остатками русских земель.

В этом свете и выступает огромная роль побед Александра Невского: в тяжелое время, когда волна монголо-татар захлестнула Русь, этот полководец отстоял остатки Русского государства от западных завоевателей. Гюнтер Штёкль выражает недовольство тем, что фигура Александра Невского получила в русской историографии несколько антизападную трактовку. Однако при оценке деятельности этого князя надо принимать в расчет все три слагаемых: Россию, монголо-татар и Западную Европу. В частности, русская демократическая историография XIX в. не раз интересовалась историческим значением борьбы России с монголо-татарским игом. Декабристы Никита Муравьев и Михаил Лунин указывали на то обстоятельство, что русский народ загородил собой Западную Европу от монголо-татарского вторжения. Силы народа, необходимые для борьбы за исторический прогресс, были поглощены борьбой с татарами. А. С. Пушкин писал, что необозримые равнины России «поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработенную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующее просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией».⁷ В этом же плане писал А. И. Герцен; такого же мнения был Н. Г. Чернышевский, указывавший, что русские по отношению к Западу были «спасителями от ига монголов, которое сдерживали они на мощной вые своей, не допустив его до Европы...».⁸ Нападение Швеции и Ордена на новгородские и псковские земли было ответом «благодарной Европы» на исторический подвиг России. Стоит ли в этом случае обижаться, что Александр Невский рисуется русским фигурой антизападной. Противники, с которыми ему пришлось сражаться, приходили не с Востока.

⁶ ПСРЛ, т. X, СПб., 1885, стр. 125.

⁷ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. II. М., 1949, стр. 268.

⁸ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. XIV. М., 1949, стр. 48.

А папство? Можно ли его отделять от «натиска на Восток»? Ответ может быть только отрицательным. Между западными государями и папами бывали всякого рода разногласия, бывала острая борьба, бывали периоды усиления и ослабления папской власти, бывали времена, когда папы выступали простыми марионетками в руках императора или какого-либо короля, впоследствии имело место знаменитое «Авиньонское пленение пап», и т. д. Но что касается «натиска на Восток», то в этих *partibus infidelium* между мечом и крестом всегда царило единодушие, рыцари и миссионеры шли рука об руку и сам поход крестоносного войска совершался под эгидой церкви, именем божьим. Тот же Иннокентий IV, который в то время занимал папский престол, был всего лишь типичным папой своего времени. Находясь в смертельной вражде с германским императором Фридрихом II, враг Гогенштауфенов и Империи вообще, он в то же время всеми средствами поддерживал Тевтонский орден, закреплял за ним захваченные земли, насаждал католическую иерархию в Пруссии и на славянских территориях. При помощи унии он стремился подчинить себе православную церковь, пытался столкнуть Александра Невского и монголо-татар, побуждая каждую сторону к выступлению. Цель состояла в том, чтобы создать благоприятную обстановку для захвата Орденом чужих земель. Острейшая борьба между папой и императором не помешала папе и Ордену быть верными союзниками. Можно ли при всем этом утверждать, как это делает автор, что подобная ситуация вовсе не похожа на заговор папства и Ордена против России?

* * *

Следующий подъем интереса русских книжников к Западу связан с Флорентийским собором. Гюнтер Штёкль приходит к двум выводам относительно поведения русской стороны на этом соборе. Во-первых, русская делегация не играла никакой роли в том ожесточенном диспуте, который развернулся на соборе вокруг догматов католической и православной церкви. Во-вторых, русские обнаружили совершенно фанатическое упрямство в деле объединения церквей, решительно не приняли унию, несмотря на то что в принятии унии и заключался самый смысл решения Флорентийского собора.

Что касается первого вывода, то тут Гюнтер Штёкль прав; для такого вывода есть все основания в русских источниках. Путевые записки Неизвестного суздальца, автором которых было светское лицо — скорее всего, какой-нибудь суздальский дьяк, ничего не говорят о догматической стороне дела. Если обратиться к основному русскому источнику — Повести Симеона суздальского, — то едва ли можно усомниться в том, что богословская подготовка русской духовной делегации оказалась совершенно недостаточной по сравнению с подготовкой константинопольского и римского духовенства. Судя по всему, русские делегаты не знали не только латинского, но и греческого языка, знать который они были обязаны, и поэтому весь спор между сторонами прошел мимо них. В Повести Симеона мы не найдем ни строчки даже о пресловутом «*filioque*», занимавшем огромное место в дискуссии. Оратор византийской стороны Марк Эфесский произносит у Симеона суздальского одну и ту же речь, содержащую лишь некоторые, и притом элементарные, положения православия. Видимо, дальше этого богословская премудрость Симеона не шла. В рассказе о фактическом ходе собора в Повести содержится немало фантастического. И по охвату материала, и по богословской осведомленности труд Симеона стоит несомненно ниже и известного труда византийского участника собора

Сильвестра Сиропула, и византийского латинофильствующего труда «Acta consilii Florentini», не говоря уже об основном католическом документе — протоколах Ферраро-Флорентийского собора, вошедших в знаменитый корпус Манси.

Но если говорить о втором выводе Гюнтера Штёкля — враждебности русских к унии, то тут автор совершенно неправ. Русские были весьма неважными богословами, но оказались весьма твердыми политиками. Русская делегация на Флорентийском соборе отстаивала независимость поднимавшегося Русского государства. В истории не раз складывались ситуации, когда церковь на международной арене защищала независимость своего государства. Это относится и к католицизму. Под знаменем католицизма Испания боролась против Наполеона, а Бельгия вела борьбу против нидерландской монархии; в наши дни католики Ольстера ведут борьбу против протестантских экстремистов за гражданские права. А. И. Герцен называл это «революционным католицизмом»; подобное явление послужило исходной точкой для ошибочной идеи П. Я. Чаадаева о противопоставлении католицизма порядкам николаевской России.

Международная ситуация во времена Флорентийского собора хорошо известна. Над Византией нависла угроза со стороны турок, она взывала к помощи Запада. Светские государи вообще не откликнулись на этот зов, зато откликнулось папство. У святейшего престола не было ни возможности, ни желания спасти Византию, но открылась возможность подчинить восточную церковь при помощи унии. Среди государств, которые благодаря этому оказались бы под эгидой папства, наибольшую ценность представляла Россия. Первый шаг был уже сделан — во главе русской церкви оказался папский ставленник, сторонник унии Исидор.

На самом соборе, как известно, дело складывалось не в пользу православной стороны. У Византии не было выбора, уния для нее была актом отчаяния. В верхах византийской церкви было сильно латинофильское течение; из трех ораторов православной стороны — Марка Эфесского, Виссариона Никейского и Исидора Русского — двое последних были яркими латинофилами и вскоре стали кардиналами. И все же дело оказалось не таким простым. Папство встретило на соборе отчаянное сопротивление, оно пустило в ход все средства давления и особенно подкуп. Русская делегация, начиная с помощника Исидора — суздальского епископа Авраамия, отказалась подписаться под унией. Исидор прибег к «тактике выкручивания рук». Некоторые делегаты оказались в тюрьме, некоторым пришлось бежать из Флоренции.

В Москву Исидор прибыл папским легатом русских и прибалтийских земель. В послании папы Евгения, которое Исидор привез великому князю Василию II, предписывалось всячески помогать русскому митрополиту Исидору, в частности в деле сбора папских доходов приходило ему на помощь «усердно, со всею своею мышцею». Эффект был соответствующий — великий князь арестовал Исидора, обратился с возмущенным письмом в Константинополь, где резко осудил и самого Исидора, «учителя волков», и «суемысленный» Флорентийский собор. Митрополичью кафедру в Москве занял Иона (1448 г.). Русская церковь стала независимой не только от Рима, но и от Константинополя, поскольку вскоре Константинополь был взят турками. Позиция русской церкви совпадала с позицией московской великокняжеской власти, занятой созданием Русского централизованного государства и отстаиванием его престижа на международной арене. Отпор русской делегации папским притязаниям на Флорентийском соборе был составной частью этого исторически прогрессивного дела. В этом русские посланники ничем не провинились перед современной наукой.

* * *

Последний период, которого касается Гюнтер Штёкль, — время Московской Руси. Читатель получает совершенно отчетливое представление о новом положении Русского государства на международной арене. Византия пала, татарское иго свергнуто. Набиравшая силу, централизующаяся Россия раздвигает масштабы своих международных связей, она достаточно сильна, чтобы начать борьбу за возвращение своих земель, захваченных Литвой и Польшей. Следует добавить, что это было не только собиранье русских земель, но и борьба за выход к морю, чтобы приобрести наиболее удобный путь в Западную Европу. Насколько это было важно для России и насколько эта борьба была трудна, говорит хотя бы тот факт, что борьба, начатая Грозным, вывела Россию на балтийское побережье только к концу Петровского времени.

Естественно, что это не могло не создать целого поворота в сфере исторических концепций. Совершался переход от исторических концепций, связанных с византийской традицией, к концепциям, ориентированным на Запад. Из концепций первого рода автор говорит только об известной теории «Москва — третий Рим». Его внимания совершенно не привлекала концепция всемирно-исторического процесса, созданная русским Хронографом, а она была прямой предтечей теории «Москва — третий Рим». По сравнению с «Повестью временных лет» Хронограф был несомненным шагом вперед в разработке концепции всемирно-исторического процесса. Он перенес на русскую почву бытовавшую в западноевропейской средневековой историографии теорию четырех мировых монархий.

Всемирно-исторический процесс, согласно этой теории, есть последовательная смена мировых монархий: Ассиро-Вавилонской, Мидо-Персидской, Греко-Македонской и Римской. Для западных людей Римская империя продолжала существовать. Рим почитался «вечным» городом. Карл Великий был убежден, что он — реставратор Римской империи; германские императоры верили в фикцию Священной Римской империи германской нации. Для русских книжников теория четырех монархий имела совсем иной смысл. Для них существовало два Рима — западный и восточный. Рим западный уже давно погряз в грехах, оказался во власти «папешей», а потому утратил право возглавлять христианский мир. Но оказалось, что и Рим второй, Константинополь, капитулировал перед нечестивыми латинянами, тоже погряз во скверне, и карающая десница вседержителя уже занесена над Царьградом. А что дальше? Кто возглавит христианский мир, если Царьград падет под ударами турок? В Хронографе еще не содержится формулы о том, что третьим Римом должна стать Москва.

Из концепций, связывавших Россию с Византией, теория «Москва — третий Рим» была не единственная. Рядом с ней бытовало «Сказание о Вавилоне-граде». Согласно этому «Сказанию», мировой центр, находившийся в Вавилоне, переместился в Константинополь, а затем в Москву. Это была теория, которая пыталась сделать Москву центром мировой истории, минуя Рим. Но у Москвы нашелся и конкурент — Новгород, выступивший с «Повестью о новгородском белом клобуке». Император Константин Великий в знак признания превосходства духовной власти над светской передал папе Сильвестру белый клобук, который переходит затем в Константинополь, а потом в Новгород, к архиепископу. Москва в Повести ни разу не упоминается, весь смысл этого источника в том, что Новгород выше Москвы, ибо духовная власть выше власти светской. «Повесть о новгородском белом клобуке» — некоторая аналогия известной легенде о «Константиновом даре».

Но теории, служившие мотивировкой исторического права России на византийское наследство, уже не составляли магистральной линии русской исторической мысли. Главным направлением стали теории, обращенные в сторону Запада. Впервые это со всей отчетливостью было сформулировано в «Сказании о князьях Владимирских». Происхождение московских великих князей здесь связывается уже с Августом-кесарем, а посредником между ними выступает Рюрик. Наследником Августа на территории, получившей потом название Пруссии, был ближайший родич кесаря Прус, а потомком Пруса объявлен Рюрик. Легенда о варягах получает теперь иное звучание: если в «Повести временных лет» Рюрик аттестовался скандинавом и служил славе киевских князей, то теперь он приобретает новую генеалогию и новые функции. Русская история через посредство Рюрика смыкалась с западной. «Сказание о князьях Владимирских» вовсе не порывало с византийской традицией, как не порывали с ней и на Западе. Основатель династии Меровингов Хлодвиг, стремясь поднять значение своей власти, ссылался, как известно, на то, что византийский император Анастасий отослал ему знаки своего императорского достоинства. Но, как и на Западе, «Сказание о князьях Владимирских» подчиняло эту византийскую традицию западной ориентации. «Крабица сердоликовая», которую, согласно сказанию, получает русский князь Владимир Мономах от византийского императора Константина Мономаха, оказывается, раньше принадлежала тому же Риму, и из нее «Август кесарь римский веселишася».

И вся эта теоретическая конструкция была направлена против литовских князей. Автор «Сказания» выдает свою цель: речь шла о весьма практических делах, о воссоединении русских земель, захваченных Литвой и Польшей. Именно поэтому теория эта фактически становится официальной исторической теорией, получает широкое распространение в тогдашней русской литературе — Степенной книге, Хронографе, Четвх-Минеях, исторических повестях⁹ и в русской дипломатической практике. Достаточно вспомнить, что в 1672 г. по распоряжению царя Алексея Михайловича была составлена «Книга, а в ней собрание, откуда произыде корень великих государей, царей и великих князей российских» («Царский Титулярник»). В ней говорится о западном происхождении русских царей, ибо этот «корень изыде от преvyšчайшего кесарского престола и прекрасно цветущего и пресветлого Августа кесаря, обладавшего всею вселенною». Подобной версией обязаны были пользоваться все русские дипломаты.

Другими словами, рубеж XV—XVI вв. в России ознаменовался появлением многочисленных теорий, имевших целью исторически мотивировать высокое положение России в мировой истории. Синхронность и обилие этих теорий были выражением крупных перемен в исторических судьбах России. Во внутренних отношениях происходил переход к централизованной монархии, а в отношениях внешних это был рубеж, когда Запад все больше становился главным направлением внешней политики России. Время Ивана III и Василия III явилось преддверием эпохи Грозного. В области исторической мысли свидетельством этого поворота выступило «Сказание о князьях Владимирских».

Вспоминать об этом приходится потому, что Гюнтер Штёкль придерживается иного взгляда на указанный период русской исторической мысли. Он, во-первых, проходит мимо некоторых исторических теорий, поэтому историография в Московском государстве выглядит гораздо бед-

⁹ См. предисловие Д. С. Лихачева к книге Р. П. Дмитриевой «Сказание о князьях Владимирских» (М.—Л., 1955, стр. 3).

нее, чем она была в действительности. Это относится к теориям, обращенным в сторону Византии. А во-вторых, он неверно расставляет акценты, и это относится ко взгляду тогдашних русских книжников на Запад. Автор не придает должного значения «Сказанию о князьях Владимирских», ограничившись лишь ссылкой на книгу Р. П. Дмитриевой на этот сюжет, а все свое внимание отдал разбору «Повести о двух посольствах». Если позицию автора по отношению к теориям, где речь идет о Византии, можно понять ввиду краткости его доклада, к тому же теории эти не являются предметом его исследования, то позицию относительно теорий, интересовавшихся Западом, понять труднее. Дело в том, что обращение к «Повести о двух посольствах» для характеристики поворота Московского государства в сторону Запада совершенно неправомерно. Если «Сказание о князьях Владимирских» и хронологически и по своему содержанию действительно является выражением этого этапа в истории русской исторической мысли, то «Повесть о двух посольствах» появилась на добрую сотню лет позже. Она относится к первой четверти XVII в., к периоду после Крестьянской войны и польско-шведской интервенции, когда безымянный автор, связанный с Посольским приказом, стремился возродить былое положение России на международной арене, поколебленное внутренними потрясениями. «Повесть о двух посольствах» — это развитие идей, ранее сформулированных в «Сказании о князьях Владимирских», и применение их в дипломатической практике более позднего времени. Примечательно, что все это убедительно изложено в статьях М. Д. Каган¹⁰ и Я. С. Лурье,¹¹ хорошо известных автору, но они, видимо, ни в чем его не убедили.

Таковы некоторые размышления, возникающие при чтении книги Гюнтера Штекля «Изображение западных стран в древнерусских летописях». Перед нами интересное произведение западногерманского ученого, крупного специалиста в области древнерусской исторической мысли. Книга эта вызвала большой интерес среди советских историков. Но в ней содержится и такая интерпретация фактов, с какой советский историк согласиться не может.

¹⁰ М. Д. Каган. «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII века. — ТОДРЛ, т. XI, М.—Л., 1955, стр. 218—254.

¹¹ Я. С. Лурье. Новые данные о посольстве Сугорского и Арцыбашева в 1576 г. — ИЗ, т. 27, М., 1948, стр. 291—300.